

DOI 10.35775/PSI.2025.117.5.017

УДК 32

И.А. СОПОВ

соискатель ГАОУ ВО «Коми республиканская
академия государственной службы и управления»,
Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар
E-mail: electoral.politic@gmail.com

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМИРОВАННОСТИ ОБЩЕСТВА. КОГНИТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

В статье анализируются проблемы политической информированности и компетентности граждан, используются методологические подходы когнитивного измерения политической информированности граждан. Политическая информированность (знание о политических процессах, институтах и акторах) и политическая компетентность (способность анализировать и использовать эту информацию для участия в политике) становятся ключевыми элементами устойчивости современных демократий. Их актуальность обусловлена следующими факторами: цифровой революцией, кризисом легитимности и доверия, углубляющимися процессами поляризации общества. Распространение дезинформации, алгоритмические фильтры и «эхо-камеры» в соцсетях искажают восприятие политической реальности. Политическая информированность и компетентность оказывает существенное влияние на политическую легитимность власти, фиксируется снижение доверия к институтам власти из-за непонимания гражданами механизмов принятия решений. Исследования демонстрируют рост процессов популизма в обществе, радикальных движений на фоне недостаточной политической грамотности. Когнитивное измерение политических компетенций включает способность граждан обрабатывать, анализировать и использовать политическую информацию. Исследование позволило выявить такие аспекты политической компетентности как: когнитивные способности, когнитивные искажения, эмоциональный интеллект. Проведенный анализ позволил выявить направления дальнейших исследований источников политической информации, роли цифровых платформ формирующих политические установки молодежи, политическую повестку, выявить риски неэффективности медиаграмотности. Когнитивные процессы и политическое поведение опираются на тестирование влияния визуализации данных на понимание политических процессов, нейрополитику т.е. исследований мозговой активности при принятии политических решений (реакцию на популистскую риторiku) и пр. Политическая компетентность – ключевой элемент устойчивости демократий и государств в эпоху постправды. Когнитивное измерение позволяет понять, как граждане обрабатывают

информацию и принимают решения. Научные исследования должны фокусироваться на цифровых вызовах, неравенстве и методах повышения грамотности. Политическая система выигрывает от информированных граждан, но требует защиты от манипуляций через образование, регулирование и технологии.

Ключевые слова: политическая информация, политическая компетентность, политическое участие, социальные сети, цифровизация политики.

Актуальность исследования. Политическая компетентность (способность граждан понимать, анализировать и участвовать в политических процессах) и политическое знание (информированность о политических институтах, процессах и ценностях) стали ключевыми факторами устойчивости государства в условиях современных вызовов [3. С. 218-221]. Распространение дезинформации, алгоритмические фильтры соцсетей и «эхо-камеры» искажают восприятие политической реальности (влияние фейковых новостей на выборы в США в 2016 г.). Снижение доверия к институтам власти из-за непонимания гражданами механизмов принятия решений (протесты против пенсионных реформ в Европе) [4. С. 30-35]. Рост популизма и радикальных движений на фоне недостаточной политической грамотности (Brexit и упрощенные трактовки последствий выхода из ЕС) явились индикатором низкого уровня политической информированности граждан [6. С. 191-200]. Такие глобальные вызовы, как климатический кризис, миграция и пандемии требуют от граждан понимания сложных междисциплинарных проблем.

Возрастает актуальность научных направлений исследований: источниковедения и качества политического знания, эффективности модели и политики образования, наличия когнитивных искажений. Исследование роли цифровых платформ позволяет раскрыть позиционирование соцсетей (TikTok, Twitter) формирующих политические установки молодежи (пример: протесты в Иране в 2022 г., организованные через Instagram), исследование эффективности образования на основе сравнительного анализа стран позволяет раскрыть потенциал гражданского образования [2. С. 38-44]. Когнитивные искажения раскрываются посредством анализа влияния подтверждающего уклона («confirmation bias») на восприятие политической информации [1. С. 50-56].

Некоторые исследования обобщают влияние таких факторов как: гендер, возраст, экономическое неравенство на политическую компетентность [20. Р. 59-72; 25]. Анализ гендерных различий раскрывает влияние фактора низкого политического участия женщин в политических дискуссиях в патриархальных обществах (страны Ближнего Востока), а анализ возрастного фактора позволяет выявить политическую апатию молодежи и активность старшего поколения (низкая явка молодых избирателей в США). Исследование экономического неравенства позволяет обозначить связь между уровнем доступа к образованию и политической вовлеченностью [8. Р. 47-110].

Методологическими подходами к анализу обозначенных проблем в современных условиях могут являться эксперименты (тестирование эффективности

интерактивных инструментов (например, онлайн-симуляторов выборов) для повышения компетентности), big data-анализ, т.е. изучение политических предпочтений через анализ поисковых запросов и лайков в соцсетях. Проведение сравнительных исследований раскрывает различия в политической грамотности между странами разного уровня демократического развития.

Подобного формата методологические подходы к исследованию политической компетентности позволяют контур определенных последствий для политической системы. Например, **позитивные эффекты** могут быть следующими: повышение легитимности, когда информированные граждане чаще поддерживают реформы, понимая их долгосрочные цели (пример: принятие Зеленого курса развития экономики в обществе), снижение радикализации общественных настроений, когда граждане с высоким уровнем политических знаний реже поддаются популистской риторике (примером чему часто приводили устойчивость скандинавских демократий к правому экстремизму), расширенное участие граждан в принятии решений, например вовлечение компетентных граждан в практику делиберативной демократии (гражданские ассамблеи в Ирландии по легализации абортов). Но зачастую исследования выявляют и **негативные эффекты**, например манипуляция знаниями, т.е. использование больших данных – Big Data социальных сетей, платформ для микротаргетирования избирателей (скандал с Cambridge Analytica). Выделим и технократизацию, когда может происходить подмена публичных дебатов экспертными решениями, что ведет к отчуждению граждан (ярким примером чему является политическая практика ЕС, где 70% законов иницируются бюрократическим аппаратом). Исследователи [1. С. 50-56; 3. С. 218-221], в качестве негативного эффекта выделяют и цифровой разрыв, т.е. наблюдаемое усиление неравенства из-за различий в доступе к информации – сельские регионы Африки с ограниченным интернетом.

Проблема повышения политической информированности и политической компетентности приводит и к повышению политической субъектности. В данном контексте для государства важны институциональные ответы на данные вызовы. Реформа образования посредством внедрения программ критического мышления и медиаграмотности, примером чему является Финляндия как лидер в борьбе с фейками. Повышение прозрачности данных посредством создания открытых государственных платформ с визуализацией бюджетов и законопроектов позволяет существенно укрепить уровень политического доверия. Практика регулирования цифровой среды посредством борьбы с дезинформацией через законы об алгоритмической прозрачности позволяет институционализировать усилия государства.

Например, в Тайване созданы гражданские хакерские сообщества (gov zero) которые повышают прозрачность власти через краудсорсинг и открытые данные, усиливая доверие к системе, отсеивают троллинг в политической системе, анализируют уязвимость цифровой среды государственной машины [17]. В Бразилии велика роль WhatsApp в распространении дезинформации во время выборов 2018 г., показав уязвимость некомпетентного электората. В Швеции

проводимые школьные курсы по фактчекингу снизили восприимчивость к теориям заговора о COVID-19.

Таким образом, исследования политической компетентности является ключевым элементом стратегии устойчивости демократий в эпоху постправды. Научные исследования должны фокусироваться на цифровых вызовах, неравенстве и методах повышения грамотности [19. Р. 277-297]. Политическая система выигрывает от информированных граждан, но требует защиты от манипуляций посредством институтов образования и просвещения, регулирования и технологий [20. Р. 59-72]. Парадокс заключается в том, что чем сложнее политические процессы, тем больше граждане нуждаются в упрощенной информации – но именно упрощение информации рождает популизм [23]. Возможное решение заключается не в снижении сложности политического знания, а в развитии инструментов ее структурированного объяснения (например, интерактивные дашборды для граждан с анализом последствий принятых законов, оценки их регулирующего эффекта).

Политическая компетентность включает три взаимосвязанных аспекта:

- политические знания – понимание институтов, процессов и текущих событий (например, знание функций парламента);
- гражданские навыки способность участвовать в политической жизни (голосование, организация кампаний, критический анализ информации);
- субъективная компетентность – уверенность в своей способности влиять на политику, интерес к ней и вовлеченность.

Ключевыми факторами формирования компетентности являются семья и школа, медиасреда, социальный опыт. Политические установки и базовые знания часто формируются в подростковом возрасте через обсуждения в семье и школьное образование [11. Р. 25-38]. Участие в школьных советах развивает навыки аргументации и лидерства. Доступ же к качественной информации через СМИ и цифровые платформы усиливает информированность, но может и исказить восприятие (фильтры, эхо-камеры). Для современной молодежи важен социальный опыт, такой как волонтерство, членство в организациях и участие в локальных инициативах, что укрепляет гражданские навыки.

Исследования позволяют сделать вывод, что политические знания стабилизируются к раннему среднему возрасту [11. Р. 25-38], Дженнингс говорит о том что понимание конституционных норм редко меняется после достигаемого гражданином возраста в 30-40 лет. Гражданские навыки приобретаются в подростковом возрасте и молодости, сохраняются в зрелости [18. Р. 228-252]. Истон и Деннис отмечали наличие субъективной компетентности, как части «диффузной поддержки» политической системы [11. Р. 25-38], что демонстрирует высокую стабильность общества. Де Леон писал об интересе и вовлеченности, о том, что политические системы менее устойчивы, поскольку зависят от контекста (экономические кризисы, личные обстоятельства) [10. S. 471-486].

Противоречия и нерешенные вопросы заключаются в разнице сравнений политического интереса и политического знания. Интерес к политике коррелирует с знаниями [18. Р. 228-252], но не гарантирует их точность. Возрастает роль цифровой эпохи, поскольку соцсети усиливают вовлеченность молодежи, но могут подменять глубокий анализ поверхностным активизмом (например, кликтивизм или кликабельность новостей). Фиксируется кризис доверия к политическим институтам на фоне снижения диффузной поддержки (например, в ЕС после миграционного кризиса) подрывающей субъективную компетентность.

Политическая компетентность – динамический конструкт, формирующийся под влиянием семьи, образования и медиа, но ее ключевые элементы демонстрируют удивительную стабильность. Однако в условиях цифровой трансформации и растущего политического отчуждения понимание ее механизмов требует новых подходов. Интеграция эмпирических данных с нормативными идеалами (например, демократическое участие) остается вызовом для политологии.

Утверждение, что граждане принимают решения «в вакууме», игнорируя контекст, наивно. Политическая среда существенно влияет на качество решений через: диагностику информации, когда аккумулируются понятные данные о конфликтах целей, ограничениях и вариантах решений; мотивацию когда формируются стимулы для ответственного подхода к выбору.

Отметим, что, например, в среде с прозрачными данными о бюджетном дефиците граждане чаще поддерживают компромиссы между социальными программами и налогами, даже без высшего образования.

Роль диагностической информации заключается в диагностической ценности и объеме информации. Важно не количество данных, а их качество, способность давать четкие ориентиры для конкретных задач. Высокодиагностическая информация в политике устраняет преимущество образованных и политически искушенных граждан [14. S. 333-339]. В случае, если избиратели получают конкретные данные о последствиях климатической политики и зеленой экономики, рост цен в целях снижения выбросов и минимизации ущерба окружающей среде, их решения становятся рациональными независимо от уровня образования [14. S. 333-339].

Парадокс информационного изобилия заключается в том, что перегрузка данными без структурирования (инфопространство социальных сетей) снижает качество суждений индивида, усиливая зависимость от личных качеств. Мотивация как условия эффективности работает не всегда. Стимулы (например, призывы к ответственности) улучшают политические решения только при наличии информационных подсказок.

Мотивация бесполезна, если граждане не понимают, на что направлять политические усилия. В условиях частичной информации мотивация усиливает вовлеченность в политический процесс (например, голосование после дебатов с аргументами «за» и «против»). В условиях анонимности массового общества (например, выборы) мотивация слабеет. Решение это создание среды, где последствия выбора видимы. Максимальный эффект достигается при комбинации

диагностической информации и мотивационных стимулов. Граждане, получившие конкретные данные, проверенную информацию и мотивированные через дискуссии и обсуждения в локальных сообществах, целевых аудиториях, чаще поддерживают сбалансированные политические решения.

Стратегические решения в политике требуют больше информации. Этические дилеммы в политике сильнее зависят от мотивации и ценностей.

В перспективе для политической системы становится важным переосмысление роли образования, которая важна только в условиях информационного дефицита. В прозрачной среде акцент смещается на доступ к диагностическим данным. Реформа медиа и институтов должна фокусироваться на объяснении конфликтов политических общественных целей, а не на сенсациях. Для государства важно внедрение платформ с интерактивными инструментами для моделирования решений (например, бюджетные симуляторы).

Вызовами современного общества и государства видится в манипуляционном потенциале сетей и СМИ, велик риск использования диагностической информации для скрытого влияния (например, фрейминг). Политическая среда не фон, а активный участник формирования решений. Ее способность нивелировать преимущества образования и искушенности меняет парадигму: демократия может стать более инклюзивной, если обеспечить граждан ясными данными и понятными стимулами. Однако это требует перестройки медиа, образования и институтов. Ключевой вызов избежать манипуляций, превратив информацию в инструмент возможностей, а не контроля.

Политическая информированность и политическая компетентность оказывает прямое воздействие на политическое участие. Политическое участие это не просто добровольная деятельность граждан, направленная на влияние на общеобязательные решения властей, оно проявляется посредством избирательного участия (голосования), традиционного/ институционализированного участия (поддержка партий, участие в кампаниях), в форме нетрадиционного участия (подписание петиций, активизм в соцсетях), ненормативного протестного участия (насильственные демонстрации, гражданское неповиновение).

Исследования акцентируют внимание на следующих подходах к объяснению политического участия на микроуровне: ресурсный подход, посредством личностных мотивов, сетевой подход (см.: таблицу 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ подходов к объяснению политического участия на микроуровне

	Ключевые факторы	Механизм	Пример
Ресурсный подход	Образование, доход, возраст, пол	Граждане с большими ресурсами имеют больше возможностей для участия (время, доступ к информации, финансовая стабильность).	Высокообразованные граждане чаще голосуют и участвуют в кампаниях
Личностные мотивы	Политические ценности, доверие к институтам, чувство эффективности (внутренняя политическая эффективность)	Убежденность в своей способности влиять на политику стимулирует активность.	Граждане, верящие в действенность протестов, чаще участвуют в демонстрациях.
Сетевой/социальный подход	Социальные связи, волонтерство, межличностное доверие.	Вовлеченность в сообщества создает мотивацию и каналы для участия.	Членство в НКО повышает вероятность участия в локальных инициативах.
Рациональный выбор	Участие оправдано, если выгоды превышают затраты	Вовлеченность в решение задач общества если оценка результатов выше ожидаемых затрат	Голосование на выборах, где результат воспринимается как значимый для личных интересов.

Анализ позволяет выявить роль политических компетенций, в т.ч. их объективную и субъективную сущность. Объективные компетенции возможно описать посредством политических знаний, т.е. фактическую информацию о политических процессах, институтах, концепциях организации органов публичной власти; аналитических навыков, способности критически оценивать политические решения (понимания государственных приоритетов расходования бюджетных средств). Объективные компетенции востребуют определенные методические навыки, умение аргументировать и отстаивать позиции (дебаты, лоббирование).

Субъективные же политические компетенции отражают внутреннюю политическую эффективность, т.е. веру в свою способность влиять на политику, когда гражданин, уверенный в своих знаниях, чаще пишет обращения к депутатам.

Взаимодействие объективных и субъективных установок политических компетенций синергично, т.е. объективные знания усиливают субъективную уверенность, и наоборот. Образованный гражданин с высокой внутренней эффективностью активнее участвует в выборах и общественных дискуссиях.

Политические знания являются основой компетенций гражданина, от понимания концептуальных знаний (понимание терминологии) до осознания

механизма воздействий процедурных знаний (знание механизмов, как принимаются законы, как подать петицию и т.д.).

По нашему мнению политическая компетентность включает в себя следующие категории. **Когнитивные способности** охватывающие критическое мышление (способность оценивать достоверность информации и выявлять манипуляции, распознавание фейковых новостей); аналитическое мышление, т.е. умение интерпретировать сложную совокупность данных и делать выводы; системное мышление, понимание взаимосвязей между политическими, экономическими и социальными процессами (кейс: осознание последствий климатической политики). **Когнитивные искажения** означают, что наблюдается тенденция искать информацию, подтверждающую существующие убеждения (пример: поддержка популистов вопреки фактам), эффект «Данинга-Крюгера» – когда некомпетентные люди переоценивают свои знания, что ведет к ошибочным политическим суждениям; эффект «эхо-камеры» добровольная «изоляция» и поиск утверждений поддерживающих собственную информированность, нахождение в информационном пузыре, где доминируют однородные мнения. **Эмоциональный интеллект** как способность управлять эмоциями при обсуждении политических вопросов (например, избегать агрессии в дискуссиях), эмпатия как основа для понимания позиций других групп.

Роль политических знаний проявляется в политическом участии в раскрытии возможностей навигации граждан в политической системе, в формировании осознанного выбора (оценка программ кандидатов, политический партий и т.п.). Так граждане, знающие о функциях местного самоуправления, чаще участвуют в муниципальных выборах. Конечно, следует отметить, что ресурсный подход игнорирует структурные барьеры (дискриминация, редакционная цензура в СМИ), рациональный же выбор не учитывает иррациональные мотивы (идеология, эмоции), а субъективная эффективность может быть иллюзорной.

Политическое участие – сложный феномен, определяемый ресурсами, мотивами, социальными связями и компетенциями. Объективные знания и субъективная уверенность взаимно усиливают друг друга, формируя активных граждан. Однако для повышения вовлеченности необходимы не только индивидуальные усилия, но и структурные изменения: прозрачность институтов, борьба с неравенством и поддержка гражданского образования. Только так можно преодолеть разрыв между «компетентными» и «пассивными» участниками политического процесса.

Субъективная компетентность (или внутренняя политическая эффективность) – это убежденность индивида в своей способности понимать политику и влиять на нее. Внешняя эффективность отражает веру в отзывчивость системы, а субъективная – в личные возможности [25].

Традиционные формы участия зависят от объективных знаний [22]. Нетрадиционные формы (протесты, активизм) сильнее связаны с субъективной компетентностью [22]. Исследование [19. Р. 277-297] констатирует, что самооценка политической компетентности у подростков предсказывает их голосующее

поведение в будущем. Спарнинг Р. [23] пишет об отсутствии внутренней эффективности, как ключевом барьере для участия.

Объективные знания усиливают субъективную уверенность, а высокая внутренняя эффективность мотивирует к накоплению знаний. Гражданин, знающий процедуры подачи петиций (структурное знание), чаще инициирует их, если верит в свою способность добиться изменений.

Политические знания база для традиционного участия, но недостаточны для активизма. Субъективная компетентность же является критическим фактором для нетрадиционных форм участия (протесты, гражданские инициативы). Комбинация знаний и уверенности максимизирует политическую активность.

Развитие политического образования через внедрение программ, развивающих критическое мышление и знание институтов, информационная прозрачность и создание платформ с доступной информацией о политических процессах, поддержка низовых инициатив и стимулирование локального участия через гранты и правовые механизмы способствуют повышению политической информированности граждан, росту политических компетенций общества. Исследования позволяют говорить о существующих ограничениях (которые, впрочем, являются и новыми направлениями политологических исследований): кросскультурный контекст анализа субъективной компетентности в демократических странах, влияние социальных сетей на формирование символического знания и иллюзорной эффективности.

Политическое участие определяется не только знаниями, но и верой в свои силы. Структурные знания делают процесс голосования осознанным, а субъективная компетентность превращает недовольство в действие. Для демократий ключевая задача – формировать среду, где граждане не только информированы, но и чувствуют себя способными влиять на политический процесс. Это требует пересмотра специализированных образовательных программ и коммуникационных стратегий действия политических институтов.

Таким образом, последствиями повышения политической компетентности для политической системы могут быть как позитивные эффекты: повышение легитимности, информированные граждане чаще поддерживают реформы, понимая их долгосрочные цели, снижение радикализации, когда граждане с высоким уровнем знаний реже поддаются популистской риторике, участие в принятии решений, т.е. вовлечение компетентных граждан в процесс делиберативной демократии, так и негативные эффекты, в частности повышения качества манипуляции знаниями, использование баз данных – Big Data для микротаргетирования избирателей, технократизация политики, т.е. подмена публичных дебатов экспертными решениями, что ведет к отчуждению граждан (как в странах ЕС).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Батанина И.А.** Политическая компетентность россиян как фактор политического участия / И.А. Батанина, А.А. Лаврикова, О.Е. Шумилова // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 1 (31).
2. **Гнедаш А.А.** Конструктивные и деструктивные эффекты медиатизации политических коммуникаций в XXI веке / А.А. Гнедаш, А.И. Челан // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 8 (133).
3. **Комбаев А.В.** Сравнительный анализ политической информированности в открытых и закрытых социальных системах // Вестник Бурятского государственного университета. 2008. № 6.
4. **Ломако О.М.** Антропологическая трансформация власти в информационном обществе // Информация-Коммуникация-Общество. 2021. Т. 1.
5. **Михеева В.В.** Идеино-политический спектр: общеметодологический контекст и ситуация в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 4 (129).
6. **Шевченко Л.В.** Трансформация общественно-политической коммуникации в условиях цифровизации общества // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. № 6.
7. **Bartels Larry M.** Uninformed Votes: Information Effects in Presidential Elections // American Journal of Political Science. 1996. № 40.
8. **Burth H.P.** Normative Politics. An analytical study. «Verlag Dr. Kovavač Kovač». GmbH. Hamburg, 2010.
9. **DeLeon P.** Participatory Policy Analysis: Prescriptions and Precautions // Asian Journal of Public Administration. 1990. Т. 12. № 1.
10. **DeLeon P.** Demokratie und Policy-Analyse: Ziele und Arbeitsweise, in: Héri-tier, A. (Hg.), Kritik und Neuorientierung, Opladen 1993.
11. **Easton D., Dennis J.** The child's acquisition of regime norms: Political efficacy // American political science review. 1967. № 61.
12. **Engelhardt Jr.H.T.** Konsens: Auf wieviel können wir hoffen? Eine begriffliche Erkundung, veranschaulicht an neueren Debatten über die Verwendung von Re-produktionstechnologien beim Menschen, in: Bayertz. 1996.
13. **Falter J., Göhler G.** Politische Theorie. Entwicklung und gegenwärtiges Erscheinungsbild, in: Beyme K.V. (Hg.), Politikwissenschaft in der Bundesrepublik Deutschland. Politische Vierteljahresschrift Sonderheft 17, Opladen 1986.
14. **Fischer F.** Reconstructing Policy Analysis: A Postpositivist Perspective // Policy Sciences. 1992. Vol. 25. № 3.
15. **Fischer F.** Technocracy and the Politics of Expertise, Newbury Park. London. New Delhi. 1990.
16. **Galston W.** Political knowledge, political engagement, and civic education // Annual Review of Political Science. 2001. № 4 (1).
17. How Taiwan's 'civic hackers' helped find a new way to run the country // Technology // The Guardian.

18. **Jennings M. Kent.** Political Knowledge Over Time and Across Generations // Public Opinion Quarterly. 1996. № 60 (2).
19. **Krampen Gunter.** Transition of Adolescent Political Action Orientations to Voting Behavior in Early Adulthood. View of a Social-cognitive Action Theory Model of Personality // Political Psychology. 2000. № 21 (2).
20. **Kuhn Hans P.** Explaining Gender Differences in Adolescent Political and Civic Identity. The Impact of the Selfconcept of Political Competence and Value Orientation / Sliwka Anne, Diedrich Martina, Hofer Manfred eds. Citizenship Education. Theory – Research – Practice. Münster et al., 2006.
21. **Lodge Milton, Charles Taber and Aron Chase Galonsky.** The Political Consequences of Motivated Reasoning: Partisan Bias in Information Processing // Presented at the annual meeting of the American Political Science Association. Atlanta, 1999.
22. **Schulz Wolfram, Ainley John, Fraillon Julian, Kerr David, Losito Bruno.** Initial Findings from the IEA International Civic and Citizenship Education Study. Amsterdam, 2010.
23. **Spannring Reingard.** Young People's Multidimensional Relationship with Politics: Qualitative and Quantitative Findings. In: Spannring, Reingard; Ogris, G nther; Gaiser. 2008.
24. **Verba S., Schlozman K., Brady H.** Voice and equality: Civic voluntarism in American politics. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995.
25. **Vetter Angelika.** Political Efficacy – Reliabilit t und Validit t. Alte und neue Memodelle im Vergleich. Wiesbaden, 1997.

I.A. SOPOV

Applicant GAOU VO «Komi Republican Academy of Public Administration and Management», Syktyvkar, Komi Republic, Russia

ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT AND EFFECTIVENESS OF POLITICAL AWARENESS OF SOCIETY. COGNITIVE DIMENSION OF POLITICAL COMPETENCE

The article analyzes the problems of political awareness and competence of citizens, uses methodological approaches to the cognitive measurement of political awareness of citizens. Political awareness (knowledge of political processes, institutions and actors) and political competence (the ability to analyze and use this information to participate in politics) are becoming key elements of the sustainability of modern democracies. Their relevance is due to the following factors: digital revolution, crisis of legitimacy and trust, deepening processes of polarization of society. The spread of disinformation, algorithmic filters and «echo chambers» in social networks distort the perception of political reality. Political awareness and competence have a significant impact on the political legitimacy of power, a decrease in trust in government institutions is recorded due to citizens' misunderstanding of decision-making mechanisms. Studies demonstrate the growth of populism in society, radical movements against the background of insufficient political literacy. The cognitive dimension of political competence includes the ability of citizens to process, analyze and use political information. The study revealed such aspects of political competence as: cognitive abilities, cognitive distortions, emotional intelligence. The analysis allowed us to identify areas for further research on sources of political information, the role of digital platforms in shaping the political attitudes of young people, the political agenda, and to identify the risks of ineffective media literacy. Cognitive processes and political behavior are based on testing the impact of data visualization on understanding political processes, neuropolitics, i.e. studies of brain activity in making political decisions (reaction to populist rhetoric), etc. Political competence is a key element of the sustainability of democracies and states in the post-truth era. The cognitive dimension allows us to understand how citizens process information and make decisions. Scientific research should focus on digital challenges, inequality and methods for improving literacy. The political system benefits from informed citizens, but requires protection from manipulation through education, regulation and technology.

Key words: political information, political competence, political participation, social networks, digitalization of politics.